

проблема заключается не в отсутствии или недостатке профессиональной этики, а в ее абстрактности, автономии или односторонней направленности.

Однако, для того чтобы заявленные ценности могли существовать не только в рамках деклараций и кодексов, а могли работать, необходимо определить, какие институты могут быть компетентными для этического регулирования и способными ориентироваться на логику, определяющую профессиональную деятельность. Профессиональная деятельность имеет место в пределах структуры нормативных институтов. Как следствие, непосредственно эта институциональная структура нуждается в «этическом преобразовании». Если профессиональная этика хочет занять весомое место на уровне форм профессиональной деятельности, она должна нацелиться, прежде всего, на оказание институциональной поддержки для элементарной возможности осуществления нравственной деятельности в профессиональной области¹.

Теоретическая этика в СССР (1960-е–1980-е гг.)*

*Бондаренко Л. И.,
Перов В. Ю.*

Теоретическая этика в СССР имела сложную и неоднозначную судьбу, но следует признать, что 60-е - 80-е годы двадцатого века были очень продуктивны в ее становлении и развитии. Это было время, когда в ведущих университетах страны открылись специализированные кафедры этики, активно работал Проблемный Совет по марксистско-ленинской этике Философского общества СССР, активно защищались кандидатские и докторские диссертационные работы по этике. В результате — сформировались этические научные школы: московская, ленинградская, тюменская, уральская, горьковская. В этот период были осуществлены масштабные научные проекты, например, издана «Философская энциклопедия» в

¹ Guillaume de Stexhe. The Challenge of Professional Norms to Ethics // Matter of Breath: Foundations for Professional Ethics edited by Guillaume de Stexhe and Johan Verstraeten. Peeters, Belgium, 2000. P. 275–290.

* Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ (Проект № 12-03-00550).

5-ти томах с множеством высокопрофессиональных теоретических статей по этике; издана многотомная библиотека «Философское наследие», включившая классику этической мысли, создан словарь по этике, выдержавший 5 (!) изданий, из которых наиболее известным является последнее под редакцией И. С. Кона¹. Библиографический указатель научных трудов по этике, в основном, этого периода, изданный профессором В. Г. Ивановым, составил большую часть двухтомника². Некоторые из изданных в то время трудов переиздаются и в «постсоветский период»³.

Разнообразие тематики изданных работ расширило предметное поле этики: история этических учений; исторические типы нравственности; специфика морали как формы сознания и ее связь с религией, политикой, правом; психология и идеология морали; нравственное воспитание; нравственные отношения и нравственная деятельность, проще говоря, поступок с его спецификой и структурой; прикладная этика — стали базовыми направлениями развития отечественной этики.

Важнейшим теоретическим проблемам целенаправленно посвящались статьи и монографии, конференции, «круглые столы», диспуты, журнальные дискуссии, кроме того они особым образом присутствовали в широком этическом дискурсе этого периода. Не сведенная в определенный текст россыпь конструктивных теоретических идей была «на слуху», обсуждалась в стенах кафедр. Жанр обзорной статьи не позволяет детально описать это явление, этот процесс, но принципиально важно указать, что многие теоретические вопросы решались в контексте научной и педагогической работы этиков — профессионалов. Например, с уверенностью можно утверждать, что нет какого-то одного достаточно полного исследования такой теоретической проблемы, как структура морали, но она успешно была решена в недрах этического дискурса. Сегодня каждый профессиональный этик знает, что с помощью структурного анализа мораль может быть проанализирована по разным основаниям. Так, изучая носителя морального сознания, можно выделить

¹ Словарь по этике. 5-е изд. / под ред. И. С. Кона. М., 1983.

² Иванов В. Г. Этика (в двух частях). СПб. 2004.

³ См., напр.: Дробницкий О. Г. Понятие морали. Историко-критический очерк. М., 1974 (переиздана с другими работами в сборнике трудов: Дробницкий О. Г. Моральная философия. М., 2002), Иванов В. Г. История этики Древнего мира. Л., 1981 (переиздана в 1997, 2001). Его же. История этики Средних веков. Л., 1984 (переиздана в 2002).

коллективный и индивидуальный субъект морали со всей сложностью их взаимовлияний и взаимоотношений. Структурный анализ позволил выделить в морали базовые элементы саморегуляции: нормы, принципы, идеалы и ценности, как разного типа технологии регуляции поведения. Теперь в теоретической этике разведены понятия нормы и нормативности морали, описаны нормы-образцы и нормы-рамки, выявлена специфика этих регуляторов. Очень большая работа проведена по изучению принципов как способов саморегуляции. Конечно, эти исследования были обусловлены потребностями идеологической работы, разработкой морального кодекса строителей коммунизма, но в результате теоретическая этика пополнилась знанием функциональной специфики принципов как базовых идей в морали, из которых моральный субъект может логически вывести правила поведения в конкретной ситуации. В настоящее время, очевидно, развитость субъекта морали привела к тому, что именно принципы становятся доминирующими элементами моральной саморегуляции. Широкий размах приобрела кодификация принципов — без морального кодекса не работает ни одна уважающая себя корпорация. Начиная с книги Э. В. Ильенкова «Об идолах и идеалах» (1968), проблема идеала широко представлена в этическом дискурсе. Этот регулятор стал рассматриваться не просто как образ цели нравственного деяния или воображаемое совершенство, а как выражение нравственных потребностей, сформированных социальной реальностью. Именно поэтому идеалы постепенно, частично реализуются в истории в виде нравственных образцов. Идеал был впервые понят как отражение противоречивой действительности в сознании человечества. Субъекты морали способны представить себе цели жизни, которые должны в какой-то мере реализоваться в будущем. Прогресс нравственности — это фактически путь реализации тех или других нравственных идеалов, они выполняют очень важную функцию — участвуют в формировании нравственных образцов, фиксируют тенденции развития нравственности, способствуют оценке бытующей нравственности. Идеал — это не просто образ, а совокупность допущений совершенного. В 60-е — 80-е годы в философских исследованиях широко применяется системный анализ. Он оказался очень продуктивным в этике. Структурные элементы морали и этические категории стали исследоваться как части сложноорганизованной системы. В теоретической этике элементы морали трактовались не просто как части целого, а как те составные, которые обеспечивают ее определенность как ценно-

стно-регулятивной системы. Элементы морали вступают друг с другом в определенные неслучайные отношения, они особым образом связаны между собой, структурированы и субординированы. На разных этапах развития общества и морали доминирующими элементами являются то те, то другие. Таким образом, меняется и фиксируется тип морали, обеспечивается ее развитие.

В СССР этика своей научно-методологической основой имела марксистско-ленинскую философию в виде исторического и диалектического материализма, что определяло общий способ исследования нравственных проблем. Когда речь заходит о взаимосвязи между отечественной и зарубежной (прежде всего, «западноевропейской», включая англо-американскую (англо-саксонскую) традиции в философии и этике) философскими традициями, как-то забывается, что на протяжении всего советского периода российской истории именно западная философия марксизма в его отечественной версии марксизма-ленинизма была господствующей формой решения всех философских, в том числе и этических, проблем. Мы настолько свыклись с марксизмом в отечественной философской реальности, что зачастую, на уровне «подсознания» воспринимаем его как отечественное «изобретение». Но марксизм возник в середине прошлого века как выражение идейных, философских и социальных проблем становления современного западного общества, и его развитие в XX в. во всех формах (в том числе и в советском варианте) есть продолжение общемировой философии, поскольку именно западноевропейская социальная модель оказывается и по сей день доминирующей во всем мире.

Марксизм трактует мораль как элемент более сложной системы общественных отношений, и ее собственное развитие определяется в конечном итоге диалектикой развития общественно-исторических отношений в целом. При этом предполагалось, что для правильного осознания и адекватной интерпретации отдельных проявлений морали они должны быть включены в качестве элементов в определенную целостность. Но было бы неверным считать, что все этики советского периода мыслили одинаково, речь, скорее, идет о том, что существовало общее магистральное направление, в рамках которого в ходе многочисленных теоретических дискуссий разрабатывалось некоторое единое понимание морали, нравственности и самой этики. Теоретическую этику в СССР можно представить как «многообразие в единстве». Трактовка нравственности как сложно структурированного образования, имеющего многочисленные про-

явления в исторической, общественной, индивидуальной жизни, привела к тому, что отдельные ее стороны рассматривались различными исследователями в области этики. И это составляет основную трудность ее изучения, поскольку практически невозможно указать одного автора, который был бы наиболее полным и адекватным выразителем того, что может быть названо «марксистская этика в СССР». В конечном счете, все были марксистами, но, с одной стороны, занимались различными этическими вопросами, с другой — по одним и тем же проблемам имели собственную, отличную точку зрения. В связи с этим, предлагаемое изложение особенностей марксистской этики советского периода носит «панорамный» характер, главная задача которого состоит в том, чтобы выявить существовавшую в ней философскую парадигму, выражавшуюся в общности философско-методологического подхода к постановке и способу решения этических проблем, и показать то, что существовавшие в ней теоретические конструкции находились в русле общемирового движения этической мысли.

* * *

Состояние марксистской этики в России советского периода было сложным и своеобразным, что в значительной степени было обусловлено отношением к морали в трудах К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина и других теоретиков марксизма. С одной стороны, этика как часть философии выполняла идеологическую функцию быть оружием классовой борьбы, доказывать преимущество социалистической общественной системы и образа жизни, стремиться обосновывать коммунистический идеал. С другой, она претендовала, как и вся марксистско-ленинская философия, на научно-теоретическое объяснение мира, и поэтому философы-этики занимались исследованием и анализом реальной нравственной жизни и насущных моральных проблем не только в социалистическом обществе, но и во всемирно-историческом плане, тем самым оказываясь не в стороне, а в русле мирового движения этической мысли. На протяжении достаточно длительного периода после революции 1917 г. этика как *самостоятельная* научно-философская и учебная дисциплина была изъята из структуры отечественной науки и образования. Только после принятия в 1961 г. Программы КПСС, в которой был сформулирован «моральный кодекс строителя коммунизма», этика была включена в научно-учебный процесс, появились курсы лекций, учебники, стали создаваться кафедры этики в высших учебных заведениях и академических структурах, что в

свою очередь стимулировало научно-исследовательскую деятельность. Но такое отношение к этике было обусловлено не только идеологическими установками (хотя их и нельзя не учитывать), сколько общим состоянием мировой этики в философии XX в. Является ли этика наукой? Как нравственность может быть предметом научно-философского анализа? — Вот те вопросы, который оказались в центре внимания философов во всем мире. Суть проблемы, может быть, лучше всего выражена выдающимся советским этиком О. Г. Дробницким: «Такие формы общественного сознания, как философия и нравственность, казалось бы, весьма далеко отстоят одна от другой... Представляется, будто у философии и морального сознания не может быть прямых связей, корреляций и параллелей»¹. Для понимания своеобразия постановки и способа решения этого и подобного вопросов в советской теоретической этике необходимо в предельно общих чертах обрисовать ее философско-методологические основания.

Нравственность в отечественной моральной философии рассматривалась как часть социальной реальности. Соответственно, этика, в общем и целом, представляла из себя один из разделов социальной философии и именно в таком виде она и существовала до 60-х гг. Но и после того, как была выделена в самостоятельную философскую дисциплину, этические вопросы решались в ней в русле основных проблем социальной философии, которая существовала в виде советской версии марксистской концепции социально-исторического процесса — «исторического материализма». Суть марксистского материалистического понимания истории в предельно общем и концентрированном виде лучше всего можно проиллюстрировать словами самого К. Маркса:

«В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный,

¹ Дробницкий О. Г. Философия и моральное воззрение на мир // Философия и ценностные формы сознания. М., 1978. С. 86.

политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а общественное бытие определяет их сознание. На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества вступают в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является только юридическим выражением последних — с отношениями собственности, внутри которых они развивались. Из форм развития они превращались в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке. При рассмотрении таких переворотов необходимо всегда отличать материальный, с естественнонаучной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, короче — от идеологических форм, в которых люди осознают этот конфликт и борются за его разрешение. Как об отдельном человеке нельзя судить на основании того, что он сам о себе думает, точно так же нельзя судить о подобной эпохе переворота по ее сознанию. Наоборот, это сознание надо объяснить из противоречий материальной жизни, из существующего конфликта между производственными силами и производственными отношениями. Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества. Поэтому человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить, так как при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама задача возникает лишь тогда, когда материальные условия ее решения уже имеются налицо, или, по крайней мере, находятся в процессе становления. В общих чертах, азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить, как прогрессивные эпохи экономической общественной формации. Буржуазные производственные отношения являются последней антагонистической формой общественного производства, антагонистической не в смысле индивидуального антагонизма, а в смысле антагонизма, вырастающего из общественных условий жизни индивидуумов; но развивающиеся в недрах буржуазного общества производительные силы создают вместе с тем материальные условия для разрешения этого антагонизма. Поэтому

буржуазной общественной формацией завершается предыстория человеческого общества»¹.

В этом отрывке отчетливо виден источник своеобразного отношения к этике как науке в отечественном марксизме. Материальный базис общества, представленный в виде совокупности производительных сил и производственных отношений есть то, что может являться предметом науки, как эмпирической, так и философской. Мораль же есть форма идеологии, то есть некоторая иллюзорная, превращенная форма общественного сознания, которая не обладает сама по себе научной ценностью и значимостью, поскольку может выступать или в форме выражения объективной общественной действительности (что является предметом социальных наук), или вообще выступать как оружие в руках господствующего класса для укрепления и сохранения собственной власти (или негосподствующего — для завоевания власти). Поэтому анализ тех отношений, которые скрываются за моральными понятиями, идеями и концепциями, так называемое, «срывание всех и всяческих масок» при требовании отсутствия морализаторства было одной из существенных задач в советской этике. В своих трудах К. Маркс и Ф. Энгельс особенно подчеркивали то обстоятельство, что они занимаются научным вскрытием реальных общественных отношений буржуазного общества, а не моральной критикой капитализма. С другой стороны, в марксизме в качестве существенной части было учение о классовой борьбе и, что особенно подчеркивалось в советском марксизме, идея о социальной, преимущественно насильственной революции. А для того чтобы поднять народные массы на революционные преобразования, необходимы были соответствующие, в том числе и нравственные, идеалы, ибо только тогда, по выражению самого К. Маркса, идеи превращаются в материальную силу. Именно подобная двойственность требования отказа от морали в научном отношении и одновременно ее необходимость в рамках революционного романтизма для процессов социального преобразования и создавала такое противоречивое отношение к этике в философии советского периода. Сложность сочетания ориентации на научную дескриптивность и одновременно на прескриптивно-ценностный подход определяло поле деятельности советской этики, которая этой своей

¹ Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. С. 6–8.

проблематикой оказывалась в русле основных морально-теоретических дискуссий XX в. (проблема сущего — должного).

Материалистическое понимание истории как теоретико-методологическая позиция в значительной степени привело к пониманию нравственности как специфической формы общественных отношений и духовно-практического отношения к миру, которые (как и все другие человеческие отношения) детерминированы историческим способом общественного производства, сложившегося в определенную историческую эпоху. «В наиболее общем виде нравственность можно охарактеризовать как *обусловленное социально-историческим бытием человека свойство его поведения, как те ценностные значения, которые связывают между собой* (или, наоборот, разъединяют) *живых, конкретных индивидов*»¹. Моральные проблемы, согласно марксизму, есть сложившееся в рамках общественного и индивидуального сознания выражение существующих общественных отношений, складывающихся в процессе реально-практической человеческой жизнедеятельности, в связи с чем они обладают только относительной самостоятельностью, являются отражением, а не сущностью исторического состояния общества. Такой подход порождал целый ряд теоретических проблем, основные из которых могут быть представлены следующим образом.

Поскольку в марксистской философии отрицались абсолютность морали, вечность и неизменность нравственных норм и ценностей и они рассматривались как элемент более сложной системы общественно-исторических отношений, постольку одним из существенных был ***вопрос о происхождении нравственности***. При решении этой проблемы в советской этике сложились, в основном, две точки зрения, различия между которыми обусловлены методологическими позициями исследователей, прежде всего, по поводу специфики морали. Одни авторы (А. Ф. Шишкин, В. Г. Иванов, Н. В. Рыбакова Ю. И. Семенов и др.)² предполагали, что мораль возникла вместе с первыми коллективными трудовыми действиями, обеспечивая их регулирование. При таком подходе существовала опасность «потери» специфики нравственности, поскольку при анализе первобытных обществ она, с одной стороны, представлялась

¹ Марксистская этика / под ред. Титаренко А. И. М., 1986. С. 27.

² См. Шишкин А. Ф. Марксистская этика. М., 1961; Иванов В. Г., Рыбакова Н. В. Очерки марксистско-ленинской этики. Л., 1963; Семенов И. Ю. Как возникло человечество. М., 1966.

как бы продолжением естественных, «животных» форм поведения, с другой — оказывалась трудноотличимой от других форм социального регулирования. Другие авторы (Дробницкий О. Г., Гусейнов А. А. и др.)¹ полагали, что нравственность возникла не с началом выхода из животного состояния, а лишь на определенном этапе истории социализации человека, вместе с появлением общественных различий внутри племени, которые требовали нравственного регулирования. В такой трактовке понимание морали связывалось с действиями универсальных норм в регуляции поведения, поэтому она рассматривалась как более позднее явление в истории человечества. При такой интерпретации в тени оставались иные, более простые, первоначальные способы моральной императивности и ценностной регуляции поведения.

Дискуссии по поводу происхождения нравственности как своеобразного духовно-практического отношения человека к миру (как природному, так и социальному) имели в качестве одной из теоретико-методологических основ расхождения по поводу ценностной и долженствующей интерпретации морали. Подобного рода дискуссии были и продолжают оставаться одной из центральных проблем в мировой философской этике XX в.² Суть проблемы можно сформулировать следующим образом. Нравственность представляет из себя, с одной стороны, нормативно- долженствующую область человеческой деятельности, предписывающую каждому человеку в отдельности или каким-то социальным группам определенным способ поведения, с другой стороны, предполагает ценностно-эмоциональный способ отношения человека к окружающему миру. В результате такой двойственной природы нравственности в мировой этике конца XIX–XX вв. сложилось два направления, которые находились (и в некоторых отношениях, до сих пор продолжают находиться) в теоретическом конфликте: этика ценностей (феноменологическая этика³, эмотивизм⁴) и этика норм¹. В ходе анализа этой теоретико-методологи-

¹ Дробницкий О. Г. Научная истина и моральное добро // Наука и нравственность. М., 1971; Гусейнов А. А. Происхождение нравственности. М., 1970.

² См. напр.: Garner, Richard T., Rosen, Bernard. Moral philosophy. A systematic introduction to normative ethic and meta-ethic. N.Y.-London, 1968.

³ См.: Гартман Н. Этика. СПб, 2002; Шелер М. Формализм в этике и материальная этика ценностей. Вводные замечания. Раздел 2. Формализм и априоризм // Шелер М. Избранные произведения. М. 1994.

⁴ См: Мур Дж. Принципы этики. М. 1984; Рассел Б. Почему я не христианин? М., 1987.

ческой проблемы в советской этике сформировалась точка зрения о взаимной обусловленности ценностей и норм. «Вообще говоря, модусы долженствования и ценности в морали обратимы: всякое предписание можно обосновать посредством оценки и наоборот, оценка поступка может быть обоснована ссылкой на норму. Вопрос в том, что является определяющим в конечном итоге. Примечательно, что теоретики в области этики, делающие упор на деятельно-регулятивный характер морали, обычно подводят оценку под понятие предписания, тогда как мыслители, усматривающие в морали прежде всего особое воззрение на мир, чаще всего подчиняют императивы понятию ценности»². Эту точку зрения разделяло большинство исследователей советского периода, но только в том случае, когда речь шла о существовании нравственности в ее ставшим развитым виде, а не в вопросах ее происхождения.

Для понимания особенностей дискуссий по поводу происхождения нравственности в советской этике необходимо отметить ту форму, которую приняла в ней **проблема соотношения ценностного и нормативного в морали**. Своеобразие этой формы в значительной степени обусловлено если не подменой (в буквальном смысле этого слова), то, по крайней мере, сближением и иногда отождествлением взаимосвязанных, но все-таки разнородных понятий. В западноевропейской этике при всех расхождениях и дискуссиях в области соотношения ценностей и норм, подавляющее большинство исследователей сходились в том, что как ценности, так и нормы, есть нечто отличное от сущего, фактов, то есть того, что может быть бесспорным предметом научного познания, представленного в виде рационально-целесообразной деятельности человека. Иначе дело обстояло в советской этике. Как уже отмечалось выше, отечественная философия советского периода, и этика как ее часть, претендовали именно на научно-рациональный способ исследования бытия, а соответственно, и нравственности. И задача этики понималась двояко: во-первых, показать значимость (иными словами — ценность) тех или иных норм поведения для существующего социально-исторического порядка, во-вторых, выявить подлинно-нравственные цели человеческого существования. Первое рассмат-

¹ См.: Hare R. M. The Language of Morals. Oxford, 1967; Nowell-Smith P. H. Ethics. Harmondsworth, 1967.

² Дробницкий О. Г. Понятие морали. Историко-критический очерк. М., 1974. С. 358.

ривалось как анализ сущего, фактов, второе — как анализ должного. Такая функция этики в значительной степени определена структурой самой нравственности: «Моральные нормы подчеркивают не только то, *что есть*, но и то, что *должно быть* в отношениях между людьми»¹. Но при этом зачастую происходило фактическое отождествление ценностей и рациональной целесообразности. Происхождение нравственных норм объяснялось через процесс осознания их ценности-значимости для существующего общества. Некоторые исследователи² полагали, что нормативная императивность нравственных суждений имеет в своей основе ценность чего-то для человека и общества. Иными словами, если рассматривать в этом контексте происхождение нравственности в первобытном обществе, то получается, что люди в ходе совместной жизни сначала устанавливают полезность или вредность (т. е. ценность-значимость) некоторых своих действий, и лишь потом, на основании этого знания, а также знания причинно-следственных отношений, их обуславливающих, формулируют нравственные нормы, регулирующие их поведение. Именно такая теоретическая конструкция была исходным пунктом у тех авторов, которые рассматривали происхождение нравственности с началом формирования человеческого сообщества. Другую позицию в этом вопросе занимал, например, О. Г. Дробницкий. Анализируя подобную точку зрения, он справедливо отмечал, что в ее основании лежат некоторые неоправданные допущения, прежде всего касающиеся того, что, приписывая человеку целесообразно-рациональный способ мышления на стадии формирования нравственных норм, исследователи по сути дела смешивают различные вопросы — о возможности рационально-теоретического объяснения происхождения тех или иных императивов и реальный процесс их формирования: «...в тех условиях, в которых формируются некоторые основные общечеловеческие моральные нормы или то, что им предшествует, люди вовсе не рассуждают рационально в такой степени, чтобы понять, “для чего это нужно”, чтобы люди поступали так, а не иначе, тем более разумно объяснить происхождение и социальное назначение социальных норм. Поэтому-то в объяснение таких норм чаще всего кладутся не те основа-

¹ Иванов В. Г., Рыбакова Н. В. Очерки марксистско-ленинской этики. Л., 1963. С. 19.

² См. напр. Кобляков В. П. Об истинности моральных суждений // «Вопросы философии», 1968. № 5.

ния, какие могли бы явиться действительным пониманием их назначения в общественной жизни. Оказывается далее, что реальное историческое значение этих, впоследствии, общечеловеческих норм, сыгравших в дальнейшем важнейшую роль в развитии человеческого общества и его культуры, и по-настоящему выявившееся лишь много позднее, неизмеримо более широко и многогранно, чем это мог предполагать человеческий разум в эпоху формирования этих норм и даже тысячелетия спустя»¹. Но следует отметить, что, учитывая важность методологического различия в ходе исследования морали между генезисом и значением нравственных норм, О. Г. Дробницкий также оставался на позициях рационально-целесообразной интерпретации соотношения ценностей и долженствования, сущего и должного, понимая ценность как значимость для повседневной, *фактической* деятельности людей, сложившейся в определенных социально-исторических условиях, а должное — в виде перспективных (т. е. *должных быть*), но еще не реализованных в реальности целях (подробнее об этом см. ниже).

Историчность общественных, а следовательно, и нравственных отношений, имела следствием повышенный интерес в советской этике *к историческим типам нравственности*², а также *к истории этических учений*³. Здесь также имеется существенная для марксистской этики проблема. По замечанию К. Маркса и Ф. Энгельса в «Немецкой идеологии» «...мораль, религия, метафизика и прочие виды идеологии... утрачивают видимость самостоятельности. У них нет истории, у них нет развития»⁴. С другой стороны, нравственность как ценностно-ориентированная форма общественных отношений и поведения людей и этика как их теоретическое выражение являются существенной частью действительной человеческой истории, и поэтому могут и должны выступать в виде предмета философского анализа. В связи с этим основным способом исследования истории этических учений и ис-

¹ Дробницкий О. Г. Понятие морали. Историко-критический очерк. М., 1974. С. 368.

² См., напр.: Титаренко А. И. Структуры нравственного сознания. Опыт этико-философского исследования. М., 1974.

³ См., напр.: Иванов В. Г. История этики древнего мира. Л., 1980; Его же. История этики средних веков. Л., 1980; Гусейнов А. А., Ирритц Г. Краткая история этики. М., 1987; Майоров Г. Г. Этика в средние века. М., 1986.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 25.

торических типов нравственности был их критический анализ. При этом, «критика» выступала не столько как негативное отношение к предшествующим историческим формам (хотя этого не всегда удавалось избежать, учитывая общую идеологическую направленность философии советского периода), сколько как «критика» в кантовском, а еще в большей степени, в марксистском ее понимании — в виде поиска предельных оснований, сущностного (истинного) содержания, которое оказывалось представленным в виде нравственных норм и ценностей, регулирующих поведение людей. В задачу советских исследователей входило показать ту объективную общественно-экономическую реальность, которая выступала основанием для исторических типов нравственности, рассматриваемых в качестве *«исходной моральной позиции»* (термин, введенный в систему этических категорий советской марксистской этики благодаря работам А. И. Титаренко) и содержанием тех или иных этических учений.

Такой общественно-экономической реальностью, по мнению марксистских этиков были общественные отношения. «Каждое общество, тем более общественно-экономическая формация, характеризуется своей особой социальной связью индивидов. Определенному типу связи соответствует и определенная социально-нравственная позиция (положение) человека, включенного в эти отношения. Эта позиция в основных параметрах предопределяет моральный выбор, общие черты поведения индивида. Она может быть рассмотрена и с особой точки зрения, морально-ценностной — как отношение субъекта (совершающего моральный выбор поступка) к системе моральных ценностей, закрепленных в обществе. Именно в этом смысле и употребляется здесь понятие “исходная моральная позиция”. Родоплеменные, кровнородственные отношения первобытного строя ставят индивидов в специфическую (еще только вычлняющуюся) исходную моральную позицию, отличную, например, от той, которая предопределяется общественными отношениями личной зависимости (рабовладельческое и феодальное общество). Отношения формально “автономных”, независимых индивидов, связанных капиталистической, “вещной” зависимостью, обуславливают такую исходную моральную позицию индивидов, которая конкретным образом отличается от позиции, присущей нравственной жизни людей, объединенных в коммунистическую общественную ассоциацию... Исходная моральная позиция, таким образом, и объективна, и субъективна. Она объективна, ибо выражает реальное социальное положение ин-

дивида, взятое в ракурсе моральных ценностей, и субъективна, ибо фиксируется в тех общих ориентирах морального сознания индивида, исходя из которых он определяет свое “достойное” место в социальном мире, совершает свой моральный выбор, дает себе оценку и защищает свое достоинство, принимает одни и отвергает другие ценности и т. д.»¹. Такая связь нравственности с общественными отношениями позволяла структурировать историческое развитие морали, т. е. дать описание возникновения, развития и смены исторических типов нравственности по общественно-экономическим формациям (следует напомнить, что в марксизме выделялось пять общественно-экономических формаций как типов организации общества, определяемых соответствующим способом производства: первобытно-общинная, рабовладельческая, феодальная, капиталистическая (буржуазная) и коммунистическая (социализм рассматривался как переходная стадия к последней)). Среди исследований, посвященных историческим типам нравственности, наиболее интересной и показательной является уже упомянутая работа А. И. Титаренко «Структуры нравственного сознания. Опыт этико-философского исследования», в которой разрабатывалась идея существования в истории самобытных структур нравственного сознания и специфических систем нравственных отношений. Автором выделяются важнейшие показатели этих структур: ценностные ориентации, специфические контрольно-психологические механизмы самосознания, особые способы регуляции поведения, своеобразии составляющих мораль элементов, в значительной степени определяемых классовой позицией индивида, особенности воплощения нравственного опыта в нормативных элементах морали. Вычленение этих структур осуществляется, согласно концепции А. И. Титаренко, на основе сопоставления феодального и буржуазного общества. «Общество, построенное на отношениях личной зависимости (феодализм), отличается от общества, где социальные отношения приобретают “вещный” характер (капитализм). Это отличие весьма существенно сказывается и на нравственных отношениях, на самом стиле морального мышления индивида. Личная зависимость, выступая как ясная форма социальных связей, может регулироваться чисто “внешними” (экстравертными) моральными нормативами, заключенными в обычаях, традициях, религиозных догмах, обрядах, государственно-правовых запретах и

¹ Титаренко А. И. Структуры нравственного сознания. Опыт этико-философского исследования. М., 1974. С. 251-252.

иных регламентациях. «Вещная» же форма социальных связей при ее абстрактной всеобщности и фетишизме требует большей интернализации нравственных предписаний, превращая их в глубинные нормативно-психологические определители поведения личности, предполагает существование более самостоятельного и более развитого — в смысле общей культуры — нравственного сознания»¹. В феодализме, по мнению автора, главной ценностной ориентацией личности является ее принадлежность к группе (семья, род, община, цех, каста, гильдия, сословие, класс и т. д.), дававшая ориентиры свободы и зависимости, средства защиты, нормы поведения, права и обязанности, соответствующие положению в иерархической структуре общества. Принадлежность к группе мыслилась как неотъемлемое индивидуальное качество человека (совокупность качеств), определяющее всю систему моральных ценностей и нравственных норм поведения. В связи с этим, величайшей нравственной ценностью, достижением капитализма мыслится идея равноправия и всеобщая свобода. Именно в отношении интерпретации этих двух моментов видно различие в нравственной организации феодального и буржуазного обществ. Для человека в период феодализма свобода трактовалась прежде всего как право-привилегия, которой обладали одни и были лишены другие, что предусматривало отношение неравенства как «естественную» форму общественной организации. Причем эти права — привилегии — носили обязательный характер. Буржуазное общество, в силу развитости товарно-денежных, рыночных отношений, предполагает наличие личной свободы для всех людей, вне зависимости от их социального положения (рынок уравнивает всех), что выступает в качестве моральных требований капиталистического общества. В моральных оценках и контрольно-психологических механизмах сознания человека доминирует морально-эмоциональное восприятие, в то время как капитализм формирует нравственно-рациональные структуры. Каждая из формаций моделирует особые способы регуляции поведения человека: феодализм ориентирует личность на жесткую регламентацию, обязательное выполнение принятых норм-образцов поведения, этикета, обрядовых действий, содержание которых выражается в отношениях личной зависимости и, соответственно, «этой личностью» контролируется; буржуазное общество (с его ориентацией на идеалы свободы и равенства) предполагает приоритеты общих принципов нравственности над конкретным

¹ Там же. С. 42.

содержанием моральных норм. Принцип задает логику поведения, его основные доминанты и стиль, а способы их реализации оказываются более свободными и разнообразными. И это рассматривалось советскими этиками как признак прогресса нравственности в ее историческом развитии, поскольку свобода и равенство получили в капиталистическом обществе реальный характер всеобщих и универсальных моральных требований, распространяемых на всех людей. Но при этом существенным оставался вопрос об их реализации, что также выступает в качестве необходимого критерия нравственного прогресса. А в буржуазном обществе реализация этих требований оказывается возможной только через своекорыстные интересы людей-собственников, находящихся в ситуации рыночных отношений и, как следствие, социального отчуждения. Как справедливо показано К. Марксом, все идеи и лозунги буржуазных революций — свобода, равенство, братство, концепции «естественных прав» и общественного договора — имеют (при всей их исторической ценности и прогрессивности, которая К. Марксом не только признавалась, но и подчеркивалась) в качестве своих оснований и способов существования товарно-денежные отношения капиталистического общества, со всеми присущими ему классовыми антагонизмами и противоречиями. Мораль при этом трактовалась не только как выражающая эти реальные социальные проблемы и антагонизмы, но и скрывающая их в иллюзорной идеологической форме общественного и индивидуального сознания. «Сфера обращения, или обмена товаров, в рамках которой осуществляется купля и продажа рабочей силы, есть настоящий эдем прирожденных прав человека. Здесь господствует только свобода, равенство, собственность и Бентам. Свобода! Ибо покупатель и продавец товара, например рабочей силы, подчиняются лишь велению своей свободной воли. Они вступают в договор как свободные, юридически равноправные лица. Договор есть конечный результат, в котором их воля находит свое общее юридическое выражение. Равенство! Ибо они относятся друг к другу лишь как товаровладельцы и обменивают эквивалент на эквивалент. Собственность! Ибо каждый из них располагает лишь тем, что ему принадлежит. Бентам! Ибо каждый заботится лишь о себе самом. Единственная сила, связывающая их вместе, это — стремление каждого к своей собственной выгоде, своекорыстие, личный интерес. Но именно потому, что каждый заботится только о себе и никто не заботится о другом, все они в силу предустановленной гармонии или благодаря всехитрейшему провидению осуществляют лишь дела взаимной выгоды, общей пользы,

общего интереса... Бывший владелец денег шествует впереди как капиталист, владелец рабочей силы следует за ним как его рабочий; один многозначительно посмеивается и горит желанием приступить к делу; другой бредет понуро, упирается, как человек, который продал на рынке свою собственную шкуру и потому не видит в будущем никакой перспективы, кроме одной: что эту шкуру будут дубить»¹.

В ряду исследований исторических типов нравственности и истории этических учений в советской этике стоят многочисленные исследования, которые можно объединить одной темой: **критика современных буржуазных концепций нравственности**. Подобные работы, большинство из которых имело именно такое название (иногда конкретизированное по странам, временам или направлению), можно условно разделить на две группы. В первую из них, возможно большую, но наименее интересную, входили преимущественно тенденциозно ориентированные, достаточно одиозные «исследования», главной задачей которых был не столько анализ зарубежных, прежде всего западных, этических концепций, сколько их *негативная* (а не философская) критика и попытка партийно-идеологического обоснования преимуществ советского общественного строя, а следовательно, и социалистической (и как перспективы — коммунистической) нравственности и марксистско-ленинской этики. Но наряду с такими работами существовали действительно серьезные научные исследования, в которых идеологический момент выступал, скорее, как некоторый «этикетный» фон, обязательный для всех философских трудов советского периода, а собственное содержание работы представляло из себя образец философской и этической критики. Классической в этом отношении может считаться работа О. Г. Дробницкого «Понятие морали. Историко-критический очерк»², которая до сих пор является, пожалуй, лучшим анализом зарубежной, преимущественно англо-американской, этики XX в.³ Следует отметить, что философско-критический анализ современной зарубежной этики был в то же время и основным средством включения общемировых проблем теоретической этики в компедиум отечественной моральной философии.

¹ Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 187.

² Дробницкий О. Г. Понятие морали. Историко-критический очерк. М. 1974.

³ См.: Дробницкий О. Г., Кузьмина Т. А. Критика современных буржуазных этических концепций. М., 1967; Шварцман К. А. Современная буржуазная этика: иллюзии и реальность. М., 1983.

Указанная работа О. Г. Дробницкого показательна для марксистской этики. *Во-первых*, в ней показано, что само понятие морали сформировалось в ходе исторического процесса, а не есть что-то изначально данное. И этот процесс становления и развития не есть только лишь результат «более истинного» осознания того, что может быть обозначено понятием «мораль». В ходе истории человечества изменялся сам предмет этики — нравственность. *Во-вторых*, в ходе исследовательской критики современных западных этических концепций, автором сформулирована существующая в них система антиномий понятия морали (объективное — субъективное, всеобщее — особенное, практическая целесообразность — моральная значимость, общественное — индивидуальное и др.)¹. О. Г. Дробницкий показывает, что эти и другие противоречия современной буржуазной этики, с одной стороны, есть результат неоправданных теоретических абстракций, с другой стороны — выражение нравственных проблем современности, которые являются отражением реальной общественно-исторической ситуации, что в конечном счете создает проблемное поле для этических исследований. «Почему вообще возникают эти взаимоисключающие альтернативы? Дело, по-видимому, не просто в том, что буржуазные авторы фиксируют в морали какие-то нетипичные, исключительные явления и придают им крайнее, заостренное выражение, приписывают им всеобщность и абсолютность, которой они на самом деле не обладают. И не в том заключается проблема, чтобы как-то смягчить эти “крайности”, дабы привести их к взаимному согласованию и равновесию. Действительно, в нравственности мы *всегда* имеем дело с всеобщими, распространяющимися на всех людей принципами и, вместе с тем, *каждый раз* с особенными позициями, противостоящими одна другой (по крайней мере в истории классового общества ситуация всегда была такова). Требования морали, если речь идет о “подлинных”, “истинных” принципах, всегда объективны по их социально-исторической обусловленности и значимости и в то же время субъективны по способу их выражения; они, далее, отражают какие-то практические потребности общества и человека и вместе с тем отнюдь не равнозначны соображениям практической целесообразности. И так далее.

С точки зрения марксистской этики, в этих “противоположениях” на самом деле нет никакой логической несовместимости.

¹См: Дробницкий О. Г. Понятие морали. С. 87–121.

Суть разрешения проблемы в том, что каждый из этих *моментов* отнюдь не является абстрактно-всеобщим положением, истинным или ложным самим по себе, изолированно от всех других. Любое из приведенных выше определений морали имеет теоретически-научное значение *лишь в системе* взаимно соотнесенных характеристик, в рамках целостной структуры понятия нравственности. Сложные системные образования, как правило, имеют несколько различных уровней, разнопорядковых плоскостей, “этажей”. Внешне взаимоисключающие положения перестают быть таковыми, когда выявляется их отношение к разным уровням теоретической абстракции (в диалектической логике — к различным ступеням восхождения от абстрактного к конкретному). Построение многоэтажного целого, имеющего “глубинно-вертикальное” измерение, не сводящееся к “горизонтальным” связям, располагающимся на одной поверхности, и есть задача теории»¹.

Исследования общественных отношений, проводимые на основе марксистского понимания истории и диалектико-материалистической методологии неизбежно выдвигали перед советской этикой *проблему сочетания исторического, генетического изучения нравственности с выяснением ее структуры и функций*². Понимание ее как сложного образования, пережившего многовековую историю, позволяло понять нравственность как целостное явление общественной жизни человека. При этом в советской этике в силу предполагаемого теоретического и методологического единства советской философии отдельные проявления нравственности трактовались как часть целостной, внутренне структурированной системы, что особенно хорошо было видно при рассмотрении различных направлений в этике и построении системы этических категорий.

Диалектико-материалистический подход, который понимался в том числе и как снятие противоположностей, проявлялся прежде всего в том, что многие исследователи, говоря о преимуществах марксистско-ленинской этики, видели в ней способ разрешения существовавших на протяжении всей истории моральной философии противоречий между различными, порой диаметрально-противоположными концепциями. Предполагалось, что марксистская этика вбирает в себя в научно переработанном виде все лучшее, что было

¹ Там же. С. 118.

² См.: Рыбакова Н. В. Моральные отношения и их структура. Л., 1974.

накоплено обществом за всю историю его существования. «Марксистская этика исходит из перспективы преодоления... традиционных альтернатив моральных учений — гедонизма и аскетизма, эгоизма и альтруизма, морали спонтанного стремления и ригористической морали долга. Раскрывая истоки этой альтернативы, заключенной в противоречивой природе антагонистического общества, она ставит эту проблему не в моралистическом плане нравственной проповеди наслаждения или аскетизма, а в социальном плане практического устранения их противоположности как абсолютной и универсальной»¹. Этот тезис одновременно выступал и в качестве обоснования необходимости этики как философской дисциплины. «Во всей предшествующей истории человечества моральные представления людей формировались стихийно и выступали перед ними как неизвестно кем сформулированные законы, происхождение которых теоретически пытались объяснить лишь задним числом (приписывали их богу или выводили из естественной “природы человека”). С возникновением научной теории развития общества, раскрывающей, в частности, и законы развития морали, этика стала способной научно обосновывать нравственные принципы, доказывать разумность одних и подвергать рациональной критике другие. Она получила возможность помогать людям сознательно и целенаправленно вырабатывать те моральные представления, которые отвечают их историческим потребностям»². Тем самым, по мнению большинства советских этиков, разрешалась проблема научности и нормативности этики как науки о нравственности: исследования, вскрывающие подлинный, общественно-исторический смысл нравственных проблем, понятий и категорий позволяла сформулировать *должные* моральные принципы на основе знания законов общественно-исторического развития, иными словами, на основе знания того реального содержания, которое осознавалось в нормативно-ценностной нравственной форме.

Для понимания существа этого решения имеет смысл снова обратиться к своеобразию понимания *проблемы сущего* — *должного*, сложившегося в советской марксистской этике, в частности, в концепции О. Г. Дробницкого. Как уже отмечалось, в силу ориентации советской философии на научность, эта дилемма рассматривалась в рационально-целесообразной форме. О. Г. Дробницкий ин-

¹ Дробницкий О. Г., Иванов В. Г. Этика // Философский словарь. 2-е изд. М., 1989. С. 777–778.

² Словарь по этике. 5-е изд. / под ред. И. С. Кона. М., 1983. С. 424.

терпретирует должное как выражение неудовлетворенности человеком существующим социальным и нравственным порядком, сложившимся в ходе исторического развития нормами поведения. Последнее трактуется им как обычай, традиционно-общепринятая форма поведения, в рамках которой осуществляются *фактические* действия людей. А нравственное долженствование есть субъективно-эмоциональная реакция на них человека. В этом, с точки зрения О. Г. Дробницкого, и заключается источник происхождения проблемы сущего-должного. «Действительно, в морали (и в этом одно из ее отличий от простого обычая) нет прямого совпадения между тем, как люди фактически поступают в массе, что общепринято, и тем, как должно поступать, что им предписывается требованиями нравственности. И если это несоответствие фиксировать только внешне, как оно наблюдается эмпирически, то становится невозможным представить, как стороны одного целого (нравы) и моральное сознание, находящиеся к сущему в критическом отношении, фактическое положение дел и долженствование. Отсюда в этике и возникает известная дихотомия сущего и должного (того, как все на самом деле происходит, и того, как все “должно происходить”...»¹ Такой интерпретацией сущего-должного одновременно решалась существенная проблема моральной философии — проблема необходимости и свободы, которая в марксистской этике приняла форму соотношения исторической необходимости и морально-критического (свободного) отношения к социальной реальности, которое было необходимо для обоснования революционной морали. Ведь если признать (как это признается в марксизме), что существующий социальный порядок есть результат объективных (то есть не зависящих от воли и сознания людей) законов всемирно-исторического развития и что человек есть также результат этого развития (в конечном счете, этого же социального порядка), то становится непонятным, как существующий порядок, те общественные отношения, в которых сформировался сам человек и его представления о мире, в том числе и о нравственности, может быть подвергнут человеку критике, а тем более отрицаться? Иными словами, что является исходной точкой, источником критериев критического отношения человека к собственному бытию, выступающего неотъемлемым моментом нравственного мировоззрения? Разделяемый

¹ Дробницкий О. Г. Понятие морали. Историко-критический очерк. М. 1974. С. 265.

большинством советских этиков ответ на этот вопрос выглядит следующим образом: «Долженствовательная форма, присущая моральным требованиям, в частности, имеет тот смысл, что они обосновываются посредством более глубинных исторических детерминант бытия человека, нежели отношения обычая, повседневных социальных взаимодействий и внешних влияний обстоятельств»¹. В этом положении видно, как в советской марксистской этике осуществлялась попытка представить в диалектическом единстве необходимость и свободу, внутреннюю и внешнюю детерминацию поступков и их нравственных оценок. Долженствование оказывалось, так же как и устоявшиеся общепринятые нормы нравственного поведения, порожденным общественно-исторической ситуацией, но направленным на будущее, некоторой «превосходной» и «перспективной» формой общественного и индивидуального сознания, идеально (как в смысле идеально-мыслимой, так и смысле наличия идеалов) выходящей за пределы неудовлетворяющей человека существующей социальной реальности. Это долженствование является результатом сложившихся в обществе антагонизмов и противоречий, которые мораль не разрешает, а только лишь обнажает, свидетельствуя о том, что социальное бытие человека требует изменения, в том числе и революционной смены общественного строя.

«В морали социально-историческая необходимость находит отражение не просто задним числом, поскольку она уже осуществлена в массовом поведении (как в обычае), но задолго до того поскольку она дает о себе знать в виде еще не реализованной потребности, в “требовании времени”, конфликте интересов, в противоречивом соотношении исторической тенденции и консервативного наличного состояния (или, напротив, “исконных” устоев человеческого общежития и изменяющейся конъюнктуры превалирующих нравов), подспудно-глубинной и внешне фактической зависимости. Обычно-традиционное сознание и способ регуляции отражают лишь фактическое положение вещей, поскольку оно воспроизводится наличествующими социальными взаимоотношениями и сохраняется длительное время. В моральном сознании отражается и выражается также и нерешенная практическая проблема (создавшееся противоречие, конфликт, альтернатива, тенденция, иная возможность), которой еще только чревата существующая действительность. (Но именно поэтому нравственность часто не решает со-

¹ Там же. С. 340.

циально-практическую проблему — в виде указания действенных путей и средств ее разрешения, — а лишь ставит, осознает и заостряет ее, служит ее «симптомом», делая ее предметом общественного внимания или умонастроения.)

Итак, функции нравственности не сводятся только к поддержанию уже существующего порядка вещей, но и выражаются подчас в требовании его изменения; собственно моральная позиция в обществе зачастую обнаруживает свой “неконформный” характер. Выступая, с одной стороны, как хранительница культурного наследия прошлого, как фиксация уже достигнутого прогресса в социальных отношениях и способ поддержания общественного порядка, нравственность, с другой стороны, открывает человеку более широкую перспективу, некоторую иную возможность, еще не реализованную потенцию “подлинно человеческого” бытия. Именно поэтому нравственные концепты могут находиться в критическом отношении к социальной действительности, что позволяет принять их в качестве идейного знамени в прогрессивно-преобразовательных программах социально-классовых и партийных движений.

В предельном выражении эти две функции морали воплощаются в виде двух противоположных систем нравственности — господствующей, ориентированной на поддержание и сохранение существующих устоев, и нравственности революционного класса, устремленной к иному будущему. Но даже в этом случае речь идет не о “двух понятиях” морали, а в конечном итоге о развитии нравственности человечества в целом, о ее переходе через борьбу сталкивающихся позиций из одного общественно-исторического состояния в другое, в ходе которого известные трансисторические, общечеловеческие ее элементы сохраняются и развиваются¹.

Такая позиция, будучи достаточно общепринятой в советской этике, обуславливала широкий круг проблем, связанный *с общественным и индивидуальным в морали*.

Суть вопроса заключается в диалектическом единстве *общественной нравственности* как реально существующих нравственных отношений, являющихся частью всей системы общественных отношений и складывающихся в ходе исторического развития, и *индивидуальной морали*, то есть тех ценностей и норм, которыми человек руководствуется в своей повседневной нравственно-практической

¹Дробницкий О. Г. Понятие морали. Историко-критический очерк. М. 1974. С. 270–271.

жизни и тех нравственных идеалов, которые могут находиться в критическом отношении к устоявшейся нравственно-практической жизни. Первое носило объективный характер, второе — субъективный, относящийся к формам морального сознания. Сложность данной проблемы заключается в том, что формирование индивидуального морального сознания невозможно непосредственным образом вывести из реально существующих общественно-экономических отношений. Последнее носило относительный, исторически обусловленный характер, в то время как нравственные нормы и ценности представлялись в моральном сознании в виде безусловных и абсолютных. Марксистско-ленинская этика пыталась исследовать эту проблему через *диалектику общечеловеческого и классового в нравственности*.

Отрицая нравственный абсолютизм и настаивая на том, что мораль является выражением воли господствующего в данный исторический период класса, советская этика вместе с тем отвергала и этический релятивизм. Всякая классовая мораль отражает не только интересы того или иного класса, но и реально существующие общественные отношения и взаимоотношения людей в соответствующих исторических условиях. То, что та или иная классовая форма морали становится господствующей и рассматривается как всеобщая и универсальная, обусловлено тем, насколько ее основные нормы и принципы выражают объективные законы исторического развития и интересы большинства людей данного периода и, соответственно, содействуют дальнейшему историческому процессу. Именно поэтому, оставаясь по существу классовой, она выступает по форме как общечеловеческая нравственность и может с течением времени превращаться из прогрессивной в реакционную. Исходным пунктом подобной интерпретации было, в частности, положение, высказанное Ф. Энгельсом в его работе «Анти-Дюринг»: «...всякая теория морали являлась до сих пор в конечном счете продуктом данного экономического положения общества. А так как общество до сих пор двигалось в классовых противоположностях, то мораль всегда была классовой моралью: она или оправдывала господство и интересы господствующего класса, или же, как только угнетенный класс становился достаточно сильным, выражала его возмущение против это господства и представляла интересы будущности угнетенных»¹. Но поскольку в марксизме предполагалось, что в существующей со-

¹ Энгельс Ф. «Анти-Дюринг» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 95–96.

циально-исторической реальности пролетариат выражает подлинные интересы исторического развития человечества, то именно его «пролетарская нравственность» является наиболее истинной. «Наша нравственность выводится из интересов классовой борьбы пролетариата», — говорил В. И. Ленин в своей речи «Задачи союзов молодежи»¹. При этом предполагалось, что поскольку особенностью классовых интересов пролетариата является не только завоевание собственного господства, но и тем самым устранение всякого господства и эксплуатации вообще, то пролетарская нравственность рассматривалась в советской этике как выражение подлинной человеческой морали. Обоснование этого положения можно представить следующим образом.

Наряду с классовой моралью, которая соответствует в своем развитии сменяющимся общественно-экономическим отношениям, во всех исторических формах нравственности существуют и сохраняются некоторые общие для всех исторических эпох правила и нормы человеческих взаимоотношений, выражающих собственно человеческий способ существования. В советской этике предполагалось, что существуют некоторые всеобщие и универсальные моральные ценности, одни из которых поощрялись (доброта, честность, великодушие, взаимопомощь и др.), другие порицались (злобность, трусость, подлость, зависть и др.) во все времена. Но в различные исторические эпохи по-разному понималось реальное, общественно значимое содержание и границы применимости этих требований, существовало относительное значение этих нравственных качеств человека. И в задачу советской этики входило показать через многообразные и многочисленные исторические формы (национальные, сословные, религиозные, классовые и т. д.) те фундаментальные, общечеловеческие принципы, которые составляют подлинное содержание нравственных норм и ценностей². Другой стороной диалектического взаимоотношения общественного и индивидуального было то, что реализация в поступках общечеловеческого содержания, представленного в моральном сознании в виде нравственных норм и ценностей, возможна только в определенных исторических условиях, в которых они получают свою социальную значимость. Это определяет и постановку вопроса о критериях нравственности в советской этике.

¹ Ленин В. И. «Задачи союзов молодежи». ПСС. Т. 41. С. 309.

² См., напр.: Фетисов В. П. Добро и зло: Опыт историко-философского анализа. Воронеж, 1982.

Законы социально-исторического развития только лишь обуславливают содержание нравственных норм и ценностей в общем виде, не предопределяя их конкретной формы. Этика как философская наука может лишь формулировать общие принципы анализа и оценки моральных идей, но не давать универсальные ответы на все нравственные вопросы, которые могут быть решены только в конкретной жизненной ситуации и каждым человеком лично. Такой целостный, диалектический подход позволял избегать как формализма в этике, так и абстрактного морализаторства. Но здесь же таилась и определенная опасность для самого существования нравственности как формы общественного и индивидуального сознания, так и для этики как философского знания о ней.

Разделение морали на общественную и индивидуальную позволило в советской этике поставить вопрос о субъекте морали. Это может быть как та или иная социальная группа людей, так и отдельный индивид. Природа индивидуального морального сознания, его структура и функции также были предметом исследования в советской этике¹. Существенным оказывается то, что человек в рамках своей жизнедеятельности является одновременно как творцом общественных и нравственных отношений, так и их результатом. Соответственно, в марксизме особо подчеркивается активно-преобразовательное отношение человека к миру, которое было связано с анализом формирования и воспитания нравственной личности. Это обстоятельство было значительно усилено ценностно-идеологической ориентацией советской этики, поскольку, согласно марксизму, полное развитие активных человеческих способностей, соответствующих истинной человеческой природе, было возможно только после конца “предыстории” и начала истории человечества, понимаемого как коммунистическое, бесклассовое общество, в котором человек станет подлинным творцом собственной истории. Но если допустить реальность достижения такого общественного состояния, то нравственность как нормативно-ценностное и в то же время критическое отношение к этому состоянию потеряет свое основание, ибо, по предположению марксизма, в коммунистическом обществе будут отсутствовать те социальные антагонизмы, которые являются объективными условиями существования морали. Наступит реальное слияние сущего

¹ Дробницкий О. Г. Природа морального сознания // Вопросы философии. 1986. № 2; Кобляков В. П. Этическое сознание. Л., 1979.

как фактического способа человеческого поведения и должного, отвечающего насущным требованиям бытия человека. Но если в реальной человеческой истории этого еще не произошло, то в этике, по мнению подавляющего большинства авторов, это есть свершившийся факт, в силу наличия теории научного коммунизма как учения о реальных целях человеческой истории. И особенностью коммунистической морали является то, что в ней, в силу отсутствия коммунистического общества как действительности, подлинные цели человеческого бытия остаются представленными в *должном* виде, а не как научно-рациональный факт (см. выше о рационально-целесообразной интерпретации долженствования), иными словами, истина исторического прогресса предстает в превращенной форме нравственности как эмоционально-критического отношения к действительности, а не в виде научной истины. «...действительной начальной посылкой нравственного мышления является сама социальная действительность, реально совершающаяся история. Но этот исходный “факт” моральное сознание осваивает в характерной для него нормативно-ценностной форме. В этом его ограниченность по сравнению с научно-историческим мышлением... когда назрела историческая необходимость в переходе от капиталистического общества к коммунистическому, моральная форма сознания позволяет широким массам рабочих и трудящихся, еще не знакомых с научно-исторической теорией, осознать свои особые классовые интересы в качестве “подлинно человеческих” (должных) интересов и соотнести их таким образом с перспективой всемирного развития человеческого общества в целом»¹ Тем самым оправдывалось существование этики, а в конечном счете, и самой нравственности, на социалистическом (т. е. переходном к коммунизму) этапе человеческой истории, а также обосновывалась задача для советской этики: подготовка к коммунистическому обществу как проблема воспитания человека «нового типа», в центре которой были вопросы нравственного воспитания².

¹ Дробницкий О. Г. Понятие морали. Историко-критический очерк. М., 1974. С. 270–271.

² Проблемы нравственного воспитания были существенной частью марксистской этики советского периода, но, основываясь на соответствующих теоретических предпосылках, относятся преимущественно к прикладной этике, находясь на стыке этики и педагогики, в связи с чем анализ концепций нравственного воспитания выходит за рамки настоящего исследования.

Завершая рассмотрение марксистской этики советского периода, следует отметить: *во-первых*, советская теоретическая этика развивалась в русле мирового философского процесса, *во-вторых*, будучи избавленной от идеологической формы, многие из представленных в ней способов решения нравственных проблем сегодняшнего состояния социальной реальности представляют не только исторический, но и теоретический интерес для современной моральной философии. Представленный в данной статье краткий обзор достижений российской этики советского периода может рассматриваться как программа обширного исследования специфики морального сознания, нравственных отношений и человеческих поступков.

Проблематика информационной этики в отечественной мысли*

Сергеев А. С.

Периодизация этической рефлексии

Пользуясь хронологической периодизацией можно условно выделить шесть этапов развития этической мысли в сфере информационно-коммуникационных технологий. В общем и целом, все этапы проходили за рубежом. Разделение в предлагаемой периодизации делается чисто по формальному признаку, так как между отмеченными этапами нет резких граней.

Первый этап — это 1940–50-е гг., по сути, начало научно-технической революции, коренное и качественное преобразование производительных сил и активное внедрение автоматизированных систем. К этому этапу относятся основополагающие для вопросов информационной этики работы выдающегося американского ученого, математика, профессора Массачусетского технологического института Норберта Винера. Человека, который считается также и отцом-основателем такой науки, как «кибернетика». В 1948 г. выходит его книга «Кибернетика, или управление и связь в животном и машине», а в 1950 г. книга «Человеческое использование челове-

* Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ (Проект № 12-03-00550).